

© М. Б. МИРСКИЙ, 2003

УДК 61:93:92 ЧЕХОВ

А. П. ЧЕХОВ КАК ИСТОРИК МЕДИЦИНЫ

М. Б. Мирский

НИИ им. Н. А. Семашко РАМН*, Москва

Мировая культура гордится многими писателями, которые литературное ремесло сочетали с врачебным, с занятиями медициной. Самый яркий пример — Антон Павлович Чехов. Этот великий писатель, признанный классик мировой литературы, был еще и практикующим врачом, представлял две гуманнейшие профессии, которые во многом связаны друг с другом.

"И анатомия, и изящная словесность, — писал Чехов, — имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага — черта, и воевать им по-настоящему не из-за чего. Борьбы за существование у них нет. Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает еще историю религии и романс "Я помню чудное мгновенье", то становится не беднее, а богаче, — стало быть, мы имеем дело только с плюсами. Потому-то гении никогда не воевали, и в Гете рядом с поэтом прекрасно уживался естественник" [1].

А вот еще одно авторитетное мнение известного писателя-врача. Англичанин Вильям Сомерсет Моэм, высоко ценивший творчество Чехова, писал: "Я не знаю лучшей школы для писателя, чем профессия врача... Врачебная практика пошла Чехову на пользу, он приобрел знания человеческого характера. Он видел лучшие и худшие черты человеческой природы. Когда люди болеют, боятся за жизнь, они отбрасывают маску, которую обычно носят здоровыми. Доктор видит людей такими, какие они есть: эгоистичными, грубыми, жадными, трусливыми, но видит и мужественными, щедрыми, добрыми и благородными" [2].

Польский историк медицины Станислав Конопка еще в 60-х годах прошлого века подсчитал, что в мировой литературе оставили свой след примерно 120 врачей-писателей [3]. Однако эта цифра дает лишь приблизительное представление о масштабе явления, хотя и подтверждает, что врач и писатель — отнюдь не редкое сочетание.

Чехов сам не раз говорил, что занятия медицинскими науками оказали серьезное влияние на его литературную деятельность. Известно также его шутовское, но вполне серьезное по сути утверждение, что медицина — это его законная жена, а литература — любовница.

Будучи практикующим врачом, занимаясь медицинской практикой, причем в течение какого-то времени повседневно, Чехов сталкивался со множеством людей. Это обогащало его знанием жизни, давало незабываемые впечатления. Именно отсюда — из записных книжек, из уголков цепкой, ничего не упускавшей памяти, шагнули на страницы его произведений многочисленные герои, представлявшие все слои российского общества. Естественно, что среди них были и его коллеги-врачи, и его, доктора Чехова, пациенты.

В 1884 г. медицинский факультет Московского университета отмечал очередной выпуск врачей: 109 молодых людей, и в их числе А. П. Чехов, получили право самостоятельной медицинской практики. Немного позднее, в ноябре 1884 г., А. П. Чехову вручили в Московском университете "свидетельство" — удостоверение, в

котором говорилось, что по надлежащем испытании он определением университетского совета от 15 сентября утвержден в звании уездного лекаря.

Выпускник медицинского факультета Московского университета, Чехов, имевший диплом врача, мог в дальнейшем сделать хорошую ученую или административную карьеру. Так, известными учеными стали его сокурсники — профессора и доценты бактериолог Г. Н. Габричевский, хирург И. К. Спижарный, невропатолог Г. И. Россоломо, анатом Н. В. Алтухов, терапевт Э. В. Готье, бактериолог Ф. М. Блюменталь; С. С. Голоушев был старшим полицейским врачом Москвы, В. В. Никулин — крупным медицинским чиновником, а доктор медицины В. А. Тихонов — даже лейб-медиком императорского двора [4].

Но доктор Чехов избрал для себя другую, беспокойную и неблагодарную "медицинскую судьбу": он стал практикующим врачом, причем работавшим по большей части безвозмездно. Например, в письме Н. А. Лейкину (сентябрь 1885 г.) он сообщал, что за лето, у него перебыло больных несколько сотен, а заработал он 1 рубль [5]. Позднее, в 1893 г., он писал Н. А. Лейкину: "Я опять участковый врач и опять ловлю за хвост холеру, лечу амбулаторных, посещаю пункты и разъезжаю по значным местам. Не имею права выехать из дому даже на два дня" [6]. Да, фактически всю свою жизнь Чехов оставался участковым врачом — и в годы молодости, когда в литературе он был всего лишь "Антошей Чехонте", и в зрелые годы, в расцвете писательской славы. Как свидетельствуют факты, медицина и врачевание никогда не приносили ему никакого дохода.

В "анамнезе" молодого, только окончившего курс обучения врача Чехова присутствовали не только занятия практической медициной, но и научно-исследовательская работа, посвященная истории медицины. До сих пор мало кому известно, что в 1884 г., последнем своем студенческом году и первом году "врачебном", Чехов втайне ото всех (это обстоятельство следует подчеркнуть особо) работал над солидным научным трудом — историей врачебного дела в России. Чеховскую рукопись только в 1930 г., больше чем через четверть века после смерти писателя, обнаружил известный литературовед Н. Ф. Бельчиков. В настоящее время она хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

Интересно, что, публикуя найденные им чеховские материалы, Н. Ф. Бельчиков писал: "В Гете рядом с поэтом прекрасно уживался естественник", — обронил как-то в письме Чехов. Не с теми ли же чертами эрудита, эмпирика, смелого аналитика и изящного тонкого художника выступает и Чехов в своем разнообразном творчестве... Не таким ли представлял себе Чехов и совершенного художника?" (цит. по [7]).

Почему только что окончивший университет молодой врач Чехов заинтересовался историей медицины? Ведь эта наука всегда требовала и требует от исследователя не только большого интереса, но еще и обширных знаний и солидной эрудиции: недаром уже тогда, в конце XIX, да и в начале XX столетия, сфера ее влияния была достаточно широкой, и называлась она по-другому — "энциклопедия и история медицины".

*103064 Россия, Москва, ул. Воронцово поле, 12.

Очевидно, сыграла свою роль важная особенность: история медицины представляла собой ту медицинскую науку, в которой наиболее близко соприкасались ставший очевидным увлечения молодого Чехова: его глубокий интерес к медицине и все более проявлявшиеся гуманитарные интересы, просыпающаяся любовь к литературному труду. И серьезных возражений против этого, я полагаю, быть не может.

Но вот что касается истории появления рукописи чеховской работы, то здесь вправе существовать (и действительно существуют) различные точки зрения. Самой, по-видимому, правдоподобной является версия тех чеховедов, которые, комментируя обнаруженную Н. Ф. Бельчиковым рукопись, считали, что мысль написать историко-медицинскую диссертацию родилась у молодого врача Чехова летом 1884 г., после знакомства и длительных бесед с мировым судьей Звенигородского уезда Павлом Дмитриевичем Голохвастовым, оказавшимся тогда его соседом по Воскресенску. «Бываю, — писал Чехов Лейкину 25 июня 1884 г. из Воскресенска, — в камере мирового судьи Голохвастова — известного сотрудника "Руси"» [8].

Голохвастов был довольно известным историком, хотя часть его трудов по истории Смутного времени осталась неопубликованной. Но еще более серьезным и известным историком являлся его отец, Дмитрий Павлович Голохвастов, в свое время, в частности, осуществивший (1849) научно подготовленное издание "Домостроя", памятника русской культуры. Вполне законно предположить, что и "Домострой", и один из самых важных источников по истории Смутного времени — двухтомник Н. Г. Устрялова "Сказания современников о Дмитрии Самозванце" — Чехов получил от своего нового знакомого — мирового судьи и историка П. Д. Голохвастова, который сумел увлечь молодого врача своими "генетическими" историческими интересами. Чехову, вероятно, показалась привлекательной возможность совместить интерес к медицине с гуманитарными интересами [9].

Историко-медицинский труд Чехова должен был стать, очевидно, его докторской диссертацией. Об этом свидетельствует тот факт, что вскоре после получения врачебного диплома Чехов собирался сдать так называемый докторский экзамен, предшествовавший диссертационной работе и публичной защите диссертации. "По утрам и вечерам, — писал он Н. А. Лейкину в ноябре 1884 г., — готовлюсь к докторскому экзамену" [10]. Впрочем, намерение это осталось невыполненным: писательская работа отодвинула все в сторону, сдавать экзамен он так и не стал, да и, самое главное, задуманный научный труд остался незаконченным, хотя уже по предварительным наброскам можно судить о широте и глубине начатого исследования, о научном методе автора.

Как показывают сделанные Чеховым выписки из различных исторических сочинений, свою тему он понимал широко — его внимание привлекало и положение врачей в обществе, и народные средства, и секреты различного знахарства, и обрядовые формы; понимал он и необходимость воспроизведения общего исторического фона. Увлечение Чехова этой работой продолжалось еще и осенью 1885 г. — в октябре он писал Лейкину: "Я занят целый день до того, что в театре еще ни разу не был за всю осень. Следить за наукой и работать — большая разница" [11].

В том, что Чехов действительно работал над историей врачебного дела в России, нет никакого сомнения. Под заголовком рукописи чеховского труда рукой самого автора проставлены годы — 1884, 1885: именно в этот период он наиболее интенсивно проводил свои исследования. В дальнейшем он, очевидно, уже не мог посвящать время систематической работе над задуманным научным трудом, хотя отдельные записи, так или иначе связанные с темой истории медицины, делались Чеховым и позднее.

Судя по всему, приступая к работе, Чехов замыслил написать историю врачебного дела в нашем отечестве с древнейших времен. Характерно, что медицинское дело он предполагал рассматривать не изолированно, а в связи с общей историей страны, ее бытом, нравами, особен-

ностями народной жизни: это подтверждало рациональность складывавшегося научного мышления молодого врача, его объективный взгляд на медицину как неотъемлемую часть мировой культуры.

В соответствии с этим Чехов поставил своей целью проанализировать самые различные источники, в том числе не только множество исследований по истории России, но и работы археологов, труды о древнем церковном и гражданском зодчестве и вообще о художественном творчестве, книги о сельском хозяйстве, славянскую мифологию — сборники различных сказаний, легенд, мифов. "Медицинский историк, — утверждал он, — поставлен в особые условия: он пользуется даже вставками бессмысленных переписчиков, искажающих летописи".

Но особое внимание Чехов уделял знакомству с летописями и древними рукописями как важнейшими первоисточниками задуманного исследования. Именно поэтому он так тщательно изучал "Лаврентьевскую", "Софийскую", "Псковскую" и другие древние русские летописи, и это, я думаю, характеризует молодого исследователя российской медицинской старины с самой лучшей стороны.

Разумеется, Чехов знакомился и с теми трудами (печатными источниками) российских авторов, которые объективно отражали нашу историю и к тому времени уже успели завоевать мировую известность. Он считал необходимым использовать, например, труд В. О. Ключевского "Сказания иностранцев о России", книгу о путешествиях Афанасия Никитина, изданный в 1833 г. "Памятник, содержащий в себе: исчисление праздников и святых, духовные стихотворения, врачебные наставления" и многое другое.

Перед тем как начать исследование, Чехов составил список более чем из 100 книг, которые ему следовало прочесть [12]. В общем, была задумана большая и длительная работа.

Факты свидетельствуют, что на эту работу Чехов потратил немало времени. Из сочинений Карамзина он делает такие выписки: "Врачевание принадлежит к самым первым и необходимейшим наукам людей". "Желая всеми способами благодетельствовать человечеству, некоторые из наших добрых монахов старались узнавать силу целебных трав для облегчения недужных и часто успехами своими возбуждали зависть в лекарях чужеземных" [13].

Знакомство с записями, которые сделал молодой врач Чехов в самом начале своего исследования, чрезвычайно поучительно. Убеждаешься, что его интересовали жизнь и деятельность медиков в средневековой (допетровской) России, их роль при царском дворе, их конкретные действия. В карамзинской "Истории государства Российского" он обращает внимание на те страницы, где описываются картины голода, болезней, эпидемий (мора), недугов и язв, погубивших половцев.

Решив уделить внимание русскому фольклору, Чехов подробно знакомится с былинами, сказаниями, пословицами и поговорками. Особенно много пословиц он выписал из книги Снегирева "Русские народные пословицы и притчи". Среди них, например, такие: "Береги здоровье смолоду, а честь под старость", "Вино сперва веселит, а потом безумным творит", "Всегда перепой пуще недопоя", "Выпьешь много вина, так убавится ума", "Пьяный, что бешеный", "Кто солнца убегаёт, то всегда озябаёт", "Здоровье всему голова" [14].

Чехова-исследователя характеризует и то, что он пытался с медицинских позиций решать исторический спор о самозванстве Лжедмитрия. Проанализировав ряд исторических выписок, в том числе "Розыск о смерти царевича Дмитрия", показания "мамки" и других свидетелей, Чехов добавляет: "Р. С. Судебная медицина в исследовании отсутствовала. Р. Р. С. Самозванец не знал падучей болезни, которая была врожденна у царевича" [15].

Еще раньше А. С. Суворин, готовивший очерки о Лжедмитрии (Дмитрии Самозванце) и высоко ценивший медицинские и исторические знания Чехова, обратился к последнему с просьбой сообщить ему о падучей болезни (эпилепсии), которой, согласно летописным источникам, страдал маленький царевич Дмитрий, о признаках этого

заболевания, а главное о том, мог ли Дмитрий, как считают историки, зарезать себя в припадке падучей болезни. Эти очерки Суворин начал публиковать в своей газете "Новое время", а впоследствии издал отдельной книгой.

Чехов охотно откликнулся на эту просьбу и, демонстрируя завидную эрудицию, ответил Суворину вполне компетентно — и как врач, и как историк. Вот что он написал ему: "...Вы, не специалист, не разберетесь в медицинском хаосе. Я возьму клочок бумаги и вкратце набросаю Вам все, что нужно, и объясню, буде сумею. Зарезать себя мальчик мог. Известно ли, какой нож был у него в руках? Но главное — падучая была у него наследственная, которая была бы у него и в старости, если бы он остался жив. Стало быть, самозванец был в самом деле самозванцем, так как падучей у него не было. Когда случится писать об этом, то скажите, что сию Америку открыл врач Чехов, — больше мне от Вас ничего не нужно" [16]. Это маленькое историко-медицинское открытие доктора Чехова свидетельствует о его широком кругозоре и энциклопедичности, об умении по-врачебному анализировать и сопоставлять исторические факты.

Хотя Суворин так и не сообщил об этом открытии (о том, что "сию Америку открыл доктор Чехов"), все же в его книге "О Дмитрие Самозванце", где собраны публиковавшиеся в "Новом времени" очерки, было сказано, что "об эпилепсии Самозванца современники могли и молчать, да и припадки могли быть редки и он их тщательно скрывал. А если Самозванец был эпилептик, он — Дмитрий" [17].

Исторические факты, которые доктору Чехову удалось выяснить и установить, он старался сопоставить с российской действительностью, которую наблюдал совсем не беспристрастно, в частности, с положением российской медицины, которой он сопереживал повседневно.

Вот конкретный пример.

Чехов приводит обнаруженный им факт, что в "правилах принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской" были изданы правила: фабриканты обязаны надзирателям, мастеровым и работным людям близ фабрики построить спальные казармы и при тех казармах госпиталь для больных завести, в которых они лучшее призрение имеют и в известных болезнях друг от друга заразиться не могут". Комментируя этот факт, врач-исследователь в своих заметках интересуется тем, "подвинулось ли в настоящее время дело разумной организации врачебной помощи заболевшим рабочим и далеко ли опередили в этом отношении современные фабриканты своих предшественников в эпоху принцессы Анны Леопольдовны?" [18]. Уже по одному этому можно предположить, что в своем историко-медицинском исследовании доктор Чехов намечал, очевидно, использовать также сравнительно-исторический метод, проводить параллели с современностью.

Особое внимание в начале своей историко-медицинской работы Чехов уделил русскому фольклору. Так, используя фольклор для своего исследования, он делает интересные выписки из былин "Терентий гость", помещенной в книге "Песни, собранные П. В. Киреевским" (1868), и приводит описание болезни жены Терентия, Оленушки Клементьевны:

"Ее с вечера недуги берут,
К полуночи ее немочь бьет,
К белой заре лихорадка трясет.
Немочь то черная,
Лихорадка красная,
Пухота, подживотна скорбь" [19].

Важно подчеркнуть, что, заинтересовавшись историей медицины сначала в чисто врачебном аспекте, Чехов подошел к этой теме с широких гуманитарных позиций. В самом деле, его интересовало все, что так или иначе связано со здоровьем людей — не только эпидемии, но и быт и нравы русских людей, давние кровопролития и войны, жесточайшие "глады", страшные своей обыденностью казни — и рядом с этим вполне разумная жизнь, сопровождавшаяся нередко весельем и шутками.

Чехова интересовали и такие "крайние" формы народной медицины, как заговоры, знахарство, колдовство

и пр., — об этом говорят выписки, которые он делал. Не исключено, что именно знакомство с такими "крайними" формами, в которых главную роль играло психотерапевтическое воздействие, пробудило в нем возникший еще в студенческую пору интерес к психиатрии и психологии — интерес, столь глубоко и всесторонне проявившийся впоследствии в его художественных произведениях.

Во всяком случае, в истоках народной медицины Чехову виделись и мудрость народного опыта, и суеверия, порой нелепые и бессмысленные: он отмечал и фиксировал в своих записях и то, и другое. Его интересовало все, что могло хоть как-то объяснить применение в древней и средневековой России различных лекарств и других лечебных средств.

К большому сожалению для историко-медицинской науки, свою работу "Врачебное дело в России" Чехов не довел до конца: не сомневаюсь, она стала бы выдающимся исследованием по истории отечественной медицины. Однако и то, что он успел сделать — оставленные им записи из прочитанных архивных материалов и книг, его замечания, свидетельствующие о тщательности, глубине и широте охвата проблемы, — заслуживает внимания и показывает, что великий писатель был в то же время серьезным и вдумчивым врачом-исследователем. Впоследствии в одном из писем, относящихся к 1901 г., Чехов сообщал, что "Остров Сахалин" он написал "вместо диссертации, которую я замыслил написать после 1884 г. — окончания медицинского факультета" [20].

Кстати, почему общительный и увлекающийся Чехов в письмах этого периода даже не упоминал о своей работе, сказать трудно. Во всяком случае, установлено, что об этой работе не знали даже самые близкие ему люди.

Следует напомнить о рассказе Чехова "Житейская мелочь", опубликованном в 1888 г. Там были такие строки: "Когда люди, привыкшие быть довольными, вдруг становятся недовольны собой и окружающими и не знают, как избавиться от этого тяжелого недовольства, когда они сами и весь мир кажутся им виноватыми, то первое, в чем они находят успокоение, это — детские несбыточные мечты. Доктор думал о том, что хорошо бы теперь уехать куда-нибудь очень, очень далеко, хотя бы, например, на кавказский берег Черного моря, купить там полосу земли и обрабатывать ее своими руками... Хорошо также упрятать себя на всю жизнь в келью какого-нибудь монастыря... день и ночь будет он сидеть в башенке с одним окошком, прислушиваться к печальному звону и писать историю медицины в России" [21]. Стоит обратить внимание на то, о чем мечтал доктор (и, по всей вероятности, и сам Чехов) — "писать историю медицины в России". Впоследствии этот рассказ был напечатан в собрании сочинений Чехова под заглавием "Неприятность", но почему-то без приведенного отрывка.

Незаконченный труд доктора Чехова о врачебном деле в России был не единственной его историко-медицинской работой. Таковой являлась еще и статья "От какой болезни умер Ирод?", написанная для суворинской газеты "Новое время". Строго говоря, статья эта не была связана с той историей врачебного дела в нашем отечестве, которой занимался Чехов в течение довольно продолжительного времени. Однако связь ее с историко-медицинскими изысканиями молодого врача не подлежит сомнению.

Еще в 1884—1885 гг., читая и анализируя различные исторические источники, в особенности сочинения Н. М. Карамзина, он проникся, утверждают чеховеды, влиянием исторической прозы прославленного русского историка, научился решать историко-медицинские загадки. Влияние этой прозы чувствуется и в стиле статьи "От какой болезни умер Ирод?", написанной несколько лет спустя, в 1892 г. Правда, в конверте с записями к "Врачебному делу в России" нет ничего, что бы относилось к болезни царя Ирода. Но тут есть цитата из Эрнеста Ренана, которая попала в Чехову на глаза, скорее всего, когда он читал научную литературу о начале христианской эры. Ренан, как и упомянутый в заметке "От какой болезни умер Ирод?" Ф.-В. Фаррар, был биографом Христа, и

вполне естественно предположить, что Чехов, готовя свою статью, просмотрел соответствующие книги.

Проанализировав евангельское предание и сочинения историков христианства, Чехов попытался решить вопрос о причине смерти царя Ирода, навсегда "прославившегося" своей жестокостью в Вифлееме и за это обреченного на страшные мучения. "Ненасытный кровопийца, приказавший избить четырнадцать тысяч младенцев, погиб, как известно, от злейшей болезни, при обстоятельствах, возбуждающих в современниках отвращение и ужас... — писал Чехов. — Он умер от омерзительной болезни... На одре своего нестерпимого недуга, распухнув от болезни и сжигаемый жаждой, покрытый язвами на теле и внутренне палимый медленным огнем, пожираемый заживо могильным тленом, точимый червями, жалкий старик лежал в диком неистовстве, ожидая своего последнего часа" [22].

Чехов писал, что, по свидетельству блаженного Феофилакта, эта болезнь сопровождалась "сильною лихорадкой, опуханием ног, заграждением ноздрей, трепетанием всего тела, главным же образом какими-то разрушительными процессами на наружных покровах с глубокими язвами, в которых копошились черви, и с "расседанием" всех членов".

Но что это была за болезнь, задавал вопрос доктор Чехов, как назвать ее? Он был прав, считая, что "по признакам, которые были описаны не врачами, на основании одного лишь предания, конечно, трудно дать определенный ответ". Но собственный врачебный опыт позволил ему проанализировать описанные симптомы и высказать свое, вполне обоснованное суждение.

"Всего скорее, — считал он, — следует предположить, что тут речь идет о каком-то тяжелом, несомненно хроническом страдании, в котором на первом плане были местные явления, а затем уже следовали общие, как лихорадка, судороги и пр.". Более того, он полагал, что "по всей вероятности, началом страшной болезни послужил какой-нибудь язвенный процесс, длительный и изнурительный, вроде всем известной волчанки".

Доктор Чехов не только высказывал свое мнение о загадочной болезни, но и пытался полемизировать с теми своими коллегами, которые "остановились на заключении, что Ирод умер от заразной язвы, к сожалению, очень хорошо известной в культурных странах, именно в той ее не часто наблюдаемой тягостной форме, которая в медицине называется фагедонической". Он не опровергал, но и не соглашался вполне с этой точкой зрения, считая, что "быть может, это и так".

Вместе с тем Чехов выдвигал и отстаивал свое, опять-таки оригинальное толкование неизвестной болезни, которое тоже имело право на существование. "К описанию болезни Ирода близко подходит также Аденская язва, неизвестная в Европе и наблюдаемая только в жарком поясе, преимущественно в Кохинхине и на островах и берегах Красного моря, — считал он. — Она поражает, главным образом, людей, ослабленных болезнями, и развивается чаще всего на нижних конечностях после самых незначительных повреждений кожи. Обыкновенно при этой болезни страдают кожа и подкожная клетчатка, но в злокачественных случаях, которые не редки, язвенный процесс распространяется в ширину и глубину, разрушая мускулы, сухожилия и даже кости; человек как бы гниет при жизни и в конце концов умирает от гноекровия" [23].

Казалось бы, обычная, добротно написанная газетная статья (она была опубликована в декабре 1892 г. в "Новом времени"), призванная прежде всего напомнить о евангельском предании и удовлетворить любопытство "среднего" читателя. Но стоит обратить внимание, с каким знанием дела, доступным, конечно, только врачу, подошел Чехов к выбранной теме, как тонко показал он свою эрудицию, умение разбираться в диагностике таких заболеваний, как чесотка или волчанка, не говоря уже об экзотических для российских медиков тропических болезнях. Понятно, что при написании этой статьи доктор Чехов использовал не только свои медицинские знания, но и наблюдения, полученные им после возвращения с Сахалина, когда он плыл на пароходе с Дальнего Востока

через Индийский океан, мимо тех самых Кохинхины, Адена, островов и берегов Красного моря, которые упоминались в статье. Не исключено, что как раз во время этой поездки он мог наблюдать ту форму язвенной болезни, которой, вероятно, и страдал царь Ирод.

Резонно предположить, что историко-медицинские работы и публикации, создание истории медицины России были для Чехова любимой мечтой, которая не сбылась лишь потому, что занятия литературой завладели всеми его помыслами, а талант писателя взял верх над талантом врача.

Впрочем, вполне может быть, что впоследствии он намеревался вернуться к своей историко-медицинской работе. Об этом свидетельствует зафиксированный чеховедами факт сохранности рукописи "Врачебное дело в России", который отнюдь не случаен: ведь известно, что Чехов уничтожал свои черновики, не хранил ничего лишнего. Значит, в этих материалах он видел определенную ценность: кто знает, не собирался ли он когда-нибудь обратиться к ним опять?.. Во всяком случае, что-то почерпнуть из них он мог и, конечно, делал это в своей писательской работе.

И все-таки была еще одна, быть может, главная причина того, почему Чехов не довел работу до конца. В процессе работы он, вероятно, увидел, как далек он от этого конца. Уже первые 2 года работы с избранной литературой и со списками книг, которые ему только еще предстояло прочесть (при том, что непосредственно к первоисточникам Чехов еще не обращался, эта многотрудная работа была впереди), вполне могли убедить его в необозримости задуманного, в невозможности решить эту задачу при ежедневной занятости и литературой, и практической медициной. Чтобы выйти на самостоятельный научный путь, следовало целиком отдаться историко-медицинским исследованиям, а этого Чехов сделать не мог и, вероятно, не хотел.

Впрочем, в то время, когда создавались первые наброски "Врачебного дела в России", Чехов еще сомневался в своем призвании, не знал, будет ли это медицина или литература.

Можно добавить, что доктору Чехову принадлежит замечательное и почему-то мало замеченное высказывание: "Что создано историей, то и сокрушается не чиновничьими головами, а тою же историей, т. е. историческими движениями в народной жизни".

Да, историком медицины Чехов не стал. Но его знакомство с широким кругом источников и трудов по русской истории, по истории медицины в древней Руси оказало самое положительное влияние на все его литературное творчество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А. П. Полн. собр. соч. 1976; т. 3: Письма: 216.
2. Никулин Л. Чехов. Бунин. Куприн. М.; 1960. 38—39.
3. Копорка S. Arch. Hist. Med. 1962; 25: 309—364.
4. Архангельский Г. В. В кн.: Альманах Мелихово. М. — 1999; 182—186.
5. Чехов А. П. Полн. собр. соч. 1974; т. 1: Письма, 1885 г.: 159.
6. Чехов А. П. Письма: 221.
7. Громов М. Чехов. М.; 1993. 187.
8. Чехов А. П. Полн. собр. соч. 1974; т. 1: Письма: 115.
9. Чехов А. П. То же. 1979; т. 16; 529.
10. Чехов А. П. То же. 1974; т. 1: Письма: 130.
11. Чехов А. П. То же. 168.
12. Чехов А. П. То же. 1979; т. 16; 538—545.
13. Карамзин Н. М. История государства российского. М.; 1993. т. 3: 217.
14. Чехов А. П. Полн. собр. соч. 1979; т. 16: 283—286.
15. Чехов А. П. То же. 343.
16. Чехов А. П. То же. 1976; т. 4: Письма: 42.
17. Суворин А. С. О Дмитрие Самозванце. СПб., 1906. 142.
18. Чехов А. П. Полн. собр. соч. Т. 16: 354—355.
19. Чехов А. П. То же. 283.
20. Чехов А. П. То же. 1981; т. 10: 145.
21. Чехов и его среда. М.; 1930. 108—109.
22. Чехов А. П. Полн. собр. соч. Т. 16: 259.
23. Чехов А. П. То же. 260.